

Ранним утром Ду Ань, не теряя времени, взял золу из очага и нарисовал ею круг во дворе. Затем он принёс горсть разного зерна и положил её в центр круга, приговаривая: «Второй день второго месяца, дракон поднимает голову, большие амбары полны, малые через край льются». Так был совершён обряд на богатый урожай — в этом году зерно должно было заполнить все закрома.

Если бы они жили на юге, в этот день уже можно было бы есть свежую пастушью сумку, но здесь, на севере, это было невозможно. На завтрак Ду Ань приготовил тонкую лапшу, которую называли «драконьими усами» — для удачи. Чжао Ба, наблюдая за хлопотами, спросил, а что же они будут делать вечером. Ду Ань ответил, что вечером напекут весенних блинчиков, и тогда это будут уже «драконья чешуя».

Не говоря уж о том, как в этот день две семьи выскребали котлы, стучали по балкам и рассыпали порошок от насекомых — ведь первого числа второго месяца наступало «пробуждение насекомых», и всякая живность начинала шевелиться. Пусть в Яньбэе ещё стоял холод, но срок уже подошёл.

После праздника второго числа второго месяца, важного рубежа после Нового года, для деревенских жителей окончательно заканчивалось «кошачье зимовье». Земледельческие семьи уже принимались приводить в порядок инструменты, готовить удобрения — словом, готовиться к весенней пахоте. Те же, у кого своей земли было мало и приходилось наниматься на работу, тоже покидали дома в поисках работодателей.

Начинался новый год, а с ним — привычные хлопоты и труды ради пропитания.

Именно в эти дни староста с важным видом нанёс визит семье Ду, захватив с собой двух откормленных кур и своего сына — Дачжу.

Намерение старосты было понятно: он надеялся, что Ду Чжунпин возьмёт его сына в ученики.

Видя, как серьёзно к этому относится обычно сдержанный староста, Ду Чжунпин и сам настроился серьёзно.

Немного подумав, он обратился к старосте с искренними словами: «Не говоря уже о том, что вы с нашего приезда постоянно о нас заботились, — даже если отбросить это, сам Дачжу мне очень нравится. Но есть одно «но»: если мальчик намерен всерьёз учиться, лучше найти ему опытного наставника».

Услышав это «но», староста насторожился, но, поняв, что речь об учёбе Дачжу, лишь улыбнулся: «Если он у вас хоть несколько иероглифов выучит, так это уже предкам заслуга! О каком уж «учении» речь? Лишь бы вы, Ду Сюцай, согласились его учить — а уж чему выучится, тому и выучится, мы всей семьёй только благодарны будем!»

Ду Чжунпин улыбнулся в ответ: «Раз вы так говорите, я с удовольствием приму его в ученики».

Дачжу с самого порога был скован: стоял рядом с отцом, теребил край одежды и лишь изредка бросал робкие взгляды на Ду Чжунпина. Услышав согласие, он и вовсе опешил, не зная, куда деть руки. Отец, видя его немую улыбку, понял, что сын от счастья потерял дар речи, и хлопнул его по спине: «Чего уставился? Кланяйся учителю!»

Тут Дачжу опомнился и, словно боясь, что Ду Чжунпин передумает, тут же рухнул на колени и трижды ударился лбом об пол. Поклоны были что надо — когда он поднял голову, на лбу уже проступала синева. Никакого послабления, вложился по полной.

Староста, обрадованный тем, что Ду Чжунпин согласился без проволочек, принялся настаивать на праздничном угощении: мол, в их роду Ван впервые за несколько поколений появился грамотей, это большая честь.

Ду Чжунпин отнекивался, но переубедить старосту не удалось.

«Даже деревенский плотник, когда ученика берёт, обряд проводит, — говорил староста. — А у нас дело важное, надо отметить как следует. Вы не беспокойтесь, я всё сам устрою, благоприятный день выберу и лично за вами зайду. Тогда вы при всех примите его поклоны, и всё будет по правилам».

После того как в доме старосты устроили угощение, и Дачжу при всех поклонился Ду Чжунпину и подал ему чай (смахивало на смотрины невесты), он официально стал учеником и с тех пор каждый день приходил в дом Ду.

На самом деле Ду Чжунпин не учил его целыми днями — он не был профессиональным учителем, да и у всех хватало своих дел. Занятия шли по утрам: Ду Чжунпин использовал обычные учебники вроде «Троесловия» и «Сто фамилий», каждый день давал выучить несколько строк и задавал пропись. Этому Дачжу с головой хватало.

В начале обучения Ду Чжунпин не хотел давить на старательного мальчика — тот был даже менее подготовлен, чем его собственный Цзинь-эр. По прежнему опыту Ду Чжунпина, мальчишки в возрасте Дачжу, не привыкшие к учёбе, и то, что высиживали положенное время за столом, уже было большим достижением. Перегрузишь — и вовсе отворишь от занятий. Но, к удивлению, Дачжу не только исправно выполнял заданное, но ещё и после обеда успевал помогать Ду Аню по хозяйству!

В первый же день, когда Дачжу принялся за работу, Ду Чжунпин остолбенел: что же это получается, он детский труд эксплуатирует? Хотя нет, даже не детский труд — ведь платить мальчику за помощь он не мог, это совсем уже ни в какие ворота не лезло!

Но когда он спохватился, было уже поздно — Дачжу вовсю трудился. Дело в тот день выпало нелёгкое: у семьи Ду были мул и осёл, и Ду Ань как раз чистил загон, вывозя навоз туда, где смешивал его с золой для будущего удобрения.

Ду Ань, человек в глубине души немного брезгливый, делал это без особого энтузиазма, а вот Дачжу управлялся ловко и даже, пожалуй, справлялся лучше.

Закончив, Дачжу даже в дом не зашёл — помчался стрелой домой.

На следующий день, проверив у Дачжу вчерашние уроки и задав новые, Ду Чжунпин, пока тот корпел над прописью, сказал ему, что не нужно помогать по хозяйству — он взял его в ученики, а не в работники. Дачжу промолчал, Ду Чжунпин решил, что тот понял, успокоился и переключился на Цзинь-эра.

А после обеда, в самый разгар дня, Дачжу сам нашёл себе занятие, сделал всё необходимое и ушёл. Что и говорить, деревенская кровь — только глянул на двор, уже видит, что нужно делать, даже спрашивать не приходится. Не то что эти двое из семьи Ду, которым всегда нужно было указывать.

Ду Чжунпин только вздыхал: никогда не слышал, чтобы ученик после занятий ещё и в доме учителя бесплатно работал. Как-то это совсем неправильно.

Вечером Ду Ань, заметив его озадаченный вид, выяснил причину и принялся успокаивать: «Ты же с них почти ничего не берёшь, бумагу, кисти, книги — всё твоё. Он помочь хочет — пусть помогает. Станешь запрещать — ему только неловко будет. Ты же знаешь, семья у них гордая, в долгу быть не любят».

Даже Чжао Ба и Фан Шэн, узнав, что происходит, советовали не вмешиваться: «Дачжу знает меру, деревенский парень, работающий, с вашим хозяйством справится, не устанет. Не будешь его занимать — решит, что чужаком считаешь. Да и разве бывает, чтобы ученик в доме учителя не помогал? Иные и день и ночь пахнут, да всё равно толком ничему не учатся!»

Ду Чжунпин наконец понял их логику. Действительно, многие мастера раскрывают секреты ремесла только тем ученикам, которые стали почти членами семьи. Видимо, семья старосты рассуждала так же. Если так, то лучше не мешать — пусть мальчик спокойно учится. А там уж как-нибудь по-другому компенсировать его труд, чтобы совесть не мучила.

С тех пор после утренних занятий Ду Чжунпин, следуя совету Ду Аня, стал давать Дачжу посильные поручения по хозяйству, а заодно оставлял его перекусить и отдохнуть, прежде чем тот отправлялся помогать Ду Аню и Чжао Ба. И правда, Дачжу после этого стал чувствовать себя увереннее. Та скованность, которая появлялась у него в присутствии учителя с самого начала, понемногу уходила. Теперь он мог расслабиться, иногда поиграть с Цзинь-эром, сплести ему из травинки какую-нибудь безделушку — малыш был в восторге.

Погода понемногу теплела, и вся деревня готовилась к весенней пахоте.

Семья Ду, как новосёлы, обзаводилась всем инвентарём с нуля. Серпы, мотыги, лопаты, вилы — всё это было кузнечной работы, и теперь к ним нужно было подобрать подходящие деревянные черенки да наточить на бруске. Да и удобрения нужно было подготовить. Со всеми этими хлопотами помогали Чжао Ба и Фан Шэн, а с появлением Дачжу, который стал почти полноценным работником, дела у семьи Ду продвигались без особых трудностей.

<http://bllate.org/book/16286/1467540>